

Почему левые и правые ведут бой не с тем врагом

Пролог. Идол и рука

В некоем городе тридцать лет подряд у власти сменяют друг друга две политические силы. Одна называет себя Партией Справедливости, и побеждает она на обещании, что ни один горожанин не будет голодать из-за ценовых спекуляций. Другая называет себя Партией Свободы, и побеждает на обещании, что государство наконец перестанет душить экономику своим грубым вмешательством. У людей существует запрос и на справедливость, и на свободу, поскольку обе ценности подлинные, а жизнеспособный город нуждается в обеих ценностях.

Но вот побеждает Справедливость, и цены замораживают. Через месяц хлеб и медикаменты исчезают с прилавков и всплывают у задних дверей складов, но уже втрое дороже, и лишь для тех, кто знает, в какую дверь стучать. На следующем цикле побеждает Свобода, и цены отпускают. Через месяц те же склады вступают в картельный сговор, и хлеб стоит ровно столько, сколько решат их владельцы, потому что других складов в городе просто нет.

И трагедия кроется не в самих ценностях. Главная беда в том, что каждая политическая сила сотворила из своей ценности идола. Для одной мерилom всего стала справедливость, ради торжества которой оказалось допустимым отнять свободу. Для другой абсолютом стала свобода, во имя которой можно было легко вычеркнуть справедливость. Каждая из них приходит к власти на фундаменте подлинного идеала, и каждая уходит, оставляя после себя его уродливый антипод: справедливость, при которой горожанам нечего есть, и свободу, при которой весь город принадлежит троим.

А у продовольственных складов, тем временем, один хозяин. Он финансирует обе партии, и обе принимают его капитал. На съезде Справедливости он произносит тосты за народ, а на съезде Свободы поднимает бокал за священное право предпринимательства. И там, и там ему аплодируют, потому что именно он оплачивает аренду зала. Каждые выборы он проигрывает вместе с одной партией и триумфально выигрывает с другой. Его выручка не зависит от того, кто из них победит.

Политический класс искренне сражается друг с другом. Сторонники Справедливости помнят, что при свободных ценах люди не могли купить лекарств, и это правда. Сторонники же Свободы помнят, что при замороженных ценах лекарств не было вовсе, и это тоже правда. Так, каждый лагерь сравнивает свой сверкающий идеал с чужими недостатками. Но ни одна из сторон не называет по имени хозяина складов, потому что тот, кто назовет его, лишится трибуны, прессы и избирательного бюджета. Горожане тоже втянулись в эту игру. Одни проклинают дикий рынок, другие бездарную власть. И бесконечный спор о том, чья идеология верна, вытеснил главный вопрос о двух причинах, из-за которых в городе вообще возникли проблемы.

Эта работа не о том, что важнее, справедливость или свобода, ведь цивилизации жизненно необходимы обе. Она не о том, какая партия лучше, ведь в описанном городе этот выбор иллюзорен.

Здесь также требуется оговорка, иначе притча превратится в дешевую конспирологию. Рука не конкретный хозяин складов и не тайный орден кукловодов. Хозяин складов лишь заполнил структурный вакуум, и приди на его место другой, алгоритм остался бы прежним. Рука есть сам человеческий соблазн. Александр Солженицын сформулировал это крайне точно, сказав, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами и не между партиями, она проходит через каждое человеческое сердце.

Так что данная работа посвящена двум врагам, которые всегда действуют сообща. Первый враг, **Идол**, есть частная, фрагментарная ценность, узурпировавшая место Высшего блага. Вторым враг, **Рука**, есть корысть и невежество, заполняющие этическую пустоту у подножия этого идола. Ни свобода, ни справедливость врагами не являются, и о том, какая из них важнее, можно вести бесконечный академический спор. Сражаться нужно не с ними. Сражаться нужно с Идолом, отлитым из любой благой идеи, и **начинать надлежит с того идола, который воздвигнут в твоём собственном лагере.**

От идолопоклонства защищает лишь одно, и в этом состоит центральный тезис работы. Над всеми политическими ценностями должно возвышаться нечто, способное вместить их все. А вместить их может лишь то, что невозможно присвоить, поскольку любая приватизированная категория, возведенная на верхний пьедестал, неминуемо сама становится идолом.

Из-за этого наш анализ, начавшийся с управления городом, неизбежно приходит к Абсолюту. И приходит не через религиозную проповедь, но через прагматичный перебор всего того, что человечество безуспешно пыталось поставить на Его место. Впрочем, о Боге мы поговорим лишь ближе к концу работы, и читатель, предпочитающий оставаться в светской парадигме, может дойти до этой двери, не заходя в нее, но остановившись в зале светской нравственности.

Добродетель как забытая ось координат

Итак, замысел этого текста сводится к четырем тезисам.

Во-первых, магистральные политические конфликты современности, будь то схватка либералов и социалистов, апологетов демократии и сторонников сильной руки, государственников-патриотов и глобалистов, разворачиваются в ложной системе координат. Настоящий враг каждой **не идеология оппонента, а идол**, то есть собственная ценность, поставленная на место Высшего блага, и осквернение, которое приходит вслед за идолопоклонничеством.

Во-вторых, **над ценностями должно стоять то, что вмещает их все**, а всякое конечное благо, поставленное на это место, само становится идолом. Поэтому Высшим благом в пределе может быть только Абсолют, о котором говорят мировые духовные традиции. В проекции на светский язык можно сказать, что это Добродетель.

В-третьих, какой бы ни была идеология, вести общество все равно будут люди, которые смогут реализовать ее настолько чисто, насколько чисты сами. Поэтому их нужно защитить от осквернения. Совершенной защиты нет. Но что-то лучше, чем ничего, поэтому эту защиту все же необходимо продумать.

В-четвертых, правило, без которого политика добродетели исторически всегда заканчивалась кострами инквизиции. Звучит оно так. **Если Высшее благо невозможно присвоить, его невозможно и директивно предписать.** Люди никогда не придут к политическому консенсусу о том, как выглядит Благо во всей его полноте, потому что оно превышает любые человеческие дефиниции. Но возможно описать общий фундамент платформы, на которой может вестись политическое взаимодействие, а также порчу и мутацию любого блага, ведь это осквернение проявляется в конкретных действиях.

Ниже мы разберем это все подробнее. Архитектура работы выстроена так, чтобы оставить читателю пространство для маневра. Первая часть ставит диагноз, называет идола и выводит закон, по которому за идолом приходит рука. Вторая часть говорит о Высшем благе, доказывает, что вместить все ценности может только неприсваиваемое, и отвечает сильнейшим возражениям, потому что политика добродетели обязана ответить тем, кто видел, чем она кончалась. Третья часть посвящена защите тех, кто ведет общество, и формам, в которых эта защита может существовать, вплоть до первого шага, который можно сделать уже сегодня. Эти три части не требуют от читателя веры. Они требуют пройти по фактам до двери, за которой начинается четвертая часть, посвященная духовным основаниям данной работы. Тот же, кому комфортнее оставаться в светской парадигме, может остановиться у этой двери без потери политического смысла.

Часть I. Диагноз: идол и рука

Зачем политике второе измерение

Со времен окончания Второй мировой войны над архитектурой международных отношений нависает тень нового глобального столкновения. И в эпоху технологического скачка риски этого конфликта вышли далеко за пределы классических театров военных действий. Эта угроза пульсирует. Она то обостряется до предела, то уходит в тень, но никогда не исчезает полностью, множа локальные войны, блоковую отчужденность, а также социальную, экономическую и политическую турбулентность.

Природа самой вражды претерпела качественную трансформацию. От архаичных войн за территории и ресурсы мир перешел к экзистенциальным конфронтациям на идеологической почве. В этой реальности простые призывы к миру не работают, потому что не касаются сути противоречий. Игра на балансе интересов и переделе зон влияния способна лишь заморозить кризис, отсрочить неизбежное, но не решить проблему по существу. Не работает и бесконечная идеологическая полемика, ведь политические лагеря могут десятилетиями демонизировать друг друга, но такая тактика давно исчерпала свою созидательную силу.

Значит, нужна концепция цивилизационного развития, рассчитанная на идеологическую природу вражды. И начать ей придется с того, чтобы вырваться из двух крайностей, между которыми до сих пор мечется политическая мысль.

Выход за пределы универсализма и дуализма

Современная политическая мысль загнана в бинарную оппозицию. Когда речь заходит о праве нации или общества на собственную идеологическую модель, нам, в общем-то, предлагают лишь два пути: тотальный универсализм и атомизированный индивидуализм. И промежуточные варианты, основанные на комбинации этих двух в разных пропорциях.

Под универсализмом здесь следует понимать попытку сделать одну идеологию обязательной для всего человечества. Так экспортировали коммунизм, так сегодня экспортируют либеральную демократию. И адепты каждой искренне считали свою модель вершиной развития.

Следствием этой идеологической монополии становится перманентная война на уничтожение. Универсалисты, поднявшие на щит разные максимы, бьются насмерть: либерализм против социализма, глобализм против изоляционизма, прогрессивизм против традиционализма, демократия против автократии, правые против левых. Более того, эта война дробится, и даже внутри одного лагеря не найти консенсуса, потому что монополия на истину не терпит конкурентов.

Часть политического класса так и живет в этой войне. Другая часть, устав от бессмысленных битв, впадает в нигилизм, то есть в полный отказ от признания объективных истин. Из этого разочарования рождается идеологический индивидуализм. Ведь если общей истины нет, каждый волен конструировать себе «правду» по вкусу. В эту же парадигму укладывается и обычный плюрализм.

Современная политическая мысль не выходит за пределы этих двух крайностей. Либо существует единая для всех догма (а все несогласные объявляются врагами прогресса), либо истины не существует вовсе, потому что она релятивна. Парадокс в том, что это лишь обратная сторона все того же дуализма, где универсалисты-догматики бьются с универсалистами-нигилистами. Неспособность выйти из этой двоичной логики и программирует вечный конфликт.

Данная работа предлагает выход из бесконечного перетягивания каната в привычной «горизонтальной» плоскости. Мы вводим в дискурс новое, «вертикальное» измерение. Так рождается концепт **добродетельного плюрализма** и его теистической формы, **духовного плюрализма**. С обычным плюрализмом, где любая позиция равна любой другой, этот подход не имеет ничего общего. Слово сохранено потому, что многообразие политических форм здесь признается, но это многообразие, собранное вокруг высшей цели, а не равнодушное к ней.

Подход добродетельного плюрализма разрушает эту ложную дихотомию, утверждая, что объективная истина существует, но она не унифицирует мир, а предстает в уникальных национальных и культурных формах. На практике это означает возвращение в «большую политику» двух категорий: глобального смысла существования (высшей цели) и свободы воли.

Добродетельный плюрализм не всеядный нигилизм. Он признает, что у цивилизации есть высшая, смыслообразующая цель. И внутри этой рамки может сосуществовать широкий спектр политических моделей, но при одном условии, что все они работают на этот высший смысл. Сегодня мы возводим отдельные ценности (свободный рынок, социальное равенство, сильную власть) в ранг абсолюта именно потому, что утратили понимание глобальной цели развития. Они превратились в идолов. Но как только перед нацией или цивилизацией встает историческая задача, любая идеология возвращается на свое законное место и становится лишь инструментом ее достижения.

Таким образом, добродетельный плюрализм означает единство в многообразии. Это не универсализм, стригущий всех под одну гребенку, и не индивидуализм, где вектор развития может быть любым, ведь в нашем случае идеология может быть разной, но не может быть произвольной, поскольку обязана служить общему делу.

Высшая цель есть истина высшего порядка, но не «универсальная». Универсальная истина диктует: «Я права, а все остальное ложь». Высшая истина же вмещает в себя многообразие, пока оно служит созидательному вектору. Тогда истины низшего порядка не отменяются, они просто начинают работать на результат.

Добродетельный плюрализм не конкурент существующим политическим теориям. Это метарамка, надстройка над ними. Наличие высшей цели и нравственного критерия будет очищать управленческую практику от суррогатов и, более того, формировать консенсус даже между теми силами, которые по инерции считают себя антиподами.

Эта оптика глубоко укоренена в русской философской традиции. Иван Ильин в «Наших задачах» прямо настаивал, что государственная форма не абстрактный чертеж, слепо накладываемый на тело народа; каждому народу исторически и духовно причитается свой, органичный для него строй. У Владимира Соловьева вся концепция всеединства базируется на том, что подлинный синтез не стирает различий, а гармонично собирает их вокруг общего духовного центра. На Западе точнее всего эту мысль выразил Аласдер Макинтайр, который показал, что современный морально-политический дискурс превратился в бессвязный шум именно из-за утраты телоса (высшей цели). Без понимания того, ради чего мы существуем, спорящие уже не могут ничего доказать друг другу. Константин Леонтьев называл единство в многообразии цветущей сложностью и видел в ней признак живой цивилизации, а в уравнительном смешении признаков умирающей. Данилевский же показал, что цивилизации растут как культурно-исторические типы, каждая по своему закону, и что пересадка одного типа на почву другого не удастся никому.

Идол

Катастрофа универсализма в том, что он отсекает половину реальности, возводя оставшийся фрагмент в абсолют. Так формируются политические идола: культ Левиафана-государства, культ невидимой руки рынка, культ сильной личности, слепой традиции или ничем не ограниченного индивида. Это суррогаты, заполняющие концептуальный вакуум. Там, где нет артикулированного высшего смысла, его место занимает абстракция более низкого порядка.

Августин называл «беспорядком любви» грех, когда низшее благо любит с той страстью, с которой подобает любить лишь высшее. Первые заповеди обеих библейских традиций, ветхозаветной и евангельской, формулируют этот закон еще строже. Идол всегда совершает три разрушительных действия, и эта механика прослеживается в истории любой радикальной идеологии.

Во-первых, он **требует тотальности**. Частная ценность, назначенная мерилom всего, не терпит конкуренции. Любая иная ценность устанавливает для нее границы, а Идол ограничений не признает. Поэтому свобода, провозглашенная божеством, объявляет справедливость покушением на свои права. А абсолютизированная справедливость клеймит свободу как непозволительную роскошь для избранных.

Во-вторых, он **пожирает собственный фундамент**. Свобода жизнеспособна только в симбиозе со справедливостью, иначе она вырождается в свободу хищника. Справедливость мертва без свободы, так как превращается в лагерное распределение паек. Порядок живет свободой, а свобода опирается на порядок. Идол, уничтожая соседей, уничтожает собственную несущую конструкцию. Отсюда любая абсолютизированная ценность неотвратимо деградирует в свою уродливую противоположность.

В-третьих, он **порождает этический вакуум**. У Идола нет линейки, которой можно было бы отличить подлинное служение идее от циничного паразитирования на ней. Такая линейка должна находиться *над* ценностью, но выше Идола по определению ничего нет. В эту слепую зону, в эту концептуальную пустоту и приходит Рука, о которой говорилось в прологе. Сначала частную ценность водружают на место Бога, а затем на ее алтаре обустраивается тот, кто извлекает из этого выгоду.

Отсюда вытекает то, чего в упор не видит плоская, «горизонтальная» политика. С Идолом невозможно спорить на его территории. Либерал, доказывающий социалисту преимущество свободы над справедливостью, лишь предлагает сменить одного идола на другого, получая в ответ зеркальный ультиматум. Вырваться из этого капкана можно единственным способом, а именно вернуть над всеми политическими ценностями ту мета-рамку, которая вмещает их все.

Об этом пойдет речь во второй части, а на данном этапе достаточно зафиксировать истинного врага. Это не свобода и не справедливость. Это Идол, отлитый из любой из них, и Рука, которая неизбежно приходит следом.

Анатомия политических мутаций

В рамках такого подхода спор идеологий переходит из плоскости квазирелигиозных войн в плоскость прагматики, и мы начинаем сравнивать их эффективность. При этом эффективность не абсолютна, ведь она диктуется культурным кодом нации, религией, географией и историческим багажом. И выбор политического инструмента всегда зависит от времени, места и обстоятельств.

Зависит он и от того, чей запрос слышен громче. В любом сложном обществе есть люди, для которых первична справедливость, есть те, кому важнее благосостояние и свободный обмен, есть те, кто прежде всего хочет порядка и безопасности, и есть те, кто верит в силу знания. Каждая идеология вырастает из одного из этих запросов и абсолютизирует его, а победа одного лагеря означает, что остальные запросы оказываются вычеркнуты, хотя обществу нужны они все. Борьбу этих запросов необходимо преобразовать в сотрудничество внутри единого социального тела, подобно тому, как органы одного организма работают на общую цель, его поддержание.

Разберем механику этого процесса. В фундаменте любой живучей идеологии лежит безусловная ценность. Либерализм стоит на свободе. Социализм стоит на справедливости (равенство здесь лишь инструмент). Но разве свобода сама по себе токсична? Разве запрос на справедливость вреден для государства? Очевидно, что жизнеспособная нация нуждается и в том, и в другом. Это разные грани одного здорового общественного организма. В конкретном решении они действительно сталкиваются, и Исайя Берлин был прав, что такое столкновение благ неустранимо, потому что, расширяя одно, всегда чем-то платишь в другом. Но столкновение двух благ не есть война добра со злом, и линия фронта проходит не между ними.

Ниже представлена намеренно упрощенная, эскизная схема того, как деградируют базовые политические концепты. Схема эта стара. Полибий описал круговорот, в котором каждая правильная форма правления вырождается в свою противоположность, и придумал для выродившейся демократии слово «охлократия». Здесь тот же круговорот продолжен на идеологии, а в следующих разделах ему найден механизм.

Демократия — Автократия

Коренные ценности. У демократии это свобода и осознанность гражданского участия, у автократии порядок, эффективность и авторитет.

Разумеется, проблема заключается не в порядке и не в свободе. Проблема в их **осквернении**.

Вырождающаяся демократия (охлократия) превращается в инструмент захвата власти. Она генерирует тиранию ситуативного большинства, где победитель забирает всё, а меньшинство маргинализируется. Стратегическое планирование сменяется жизнью от выборов до выборов, когда элиты потакают самым низменным инстинктам толпы, скатываясь в откровенный популизм. Институты превращаются в ширму для лоббистов. Само «всеобщее избирательное право» становится фикцией, ведь даже в зрелых системах мы отсекаем недееспособных (например, детей), но критерии этой дееспособности всегда политически ангажированы. В итоге к власти через высокотехнологичные манипуляции приходят демагоги.

Деградирующая автократия несет не меньшую угрозу. Она цементирует власть ради самой власти. Служение подменяется угодничеством, а авторитет страхом. Возникает переоценка собственных управленческих возможностей, когда государство пытается централизовать всё, включая экономику, что ведет к краху, и отечественная история знает это слишком хорошо. Итог закономерен. Отрицательная селекция кадров, nepoтизм, репрессии и параноидальный поиск внешних угроз (войны) для оправдания внутренних провалов.

Либерализм — Социализм

Коренные ценности. У либерализма это свобода (инициатива), у социализма справедливость (солидарность).

Оскверненный либерализм атомизирует общество. Поскольку стартовые позиции людей объективно неравны, абсолютная свобода быстро цементирует социальную пропасть. Права возводятся в разрушительный культ, доходящий до абсурда, когда государство лишается возможности защитить нацию перед лицом реальной угрозы из-за боязни нарушить чье-то индивидуальное право. Наконец, мы получаем либеральный диктат, когда «свободу» начинают навязывать другим странам силой, ломая тех, кого пришли «освободить».

Оскверненный социализм ради химеры всеобщего равенства уничтожает базовые права личности. Справедливость становится избирательной, распределяемой номенклатурой по принципу лояльности. В итоге возникает всепоглощающая бюрократия, унижение человеческого достоинства, тотальный дефицит и, главное, уничтожение любой созидательной мотивации. Зачем развиваться и рисковать, если плоды твоего тяжелого труда объявят «излишком» и экспроприируют?

Клерикализм — Материализм (Секуляризм)

Коренные ценности. У клерикализма это идеализм (наличие высшего смысла), у материализма рационализм (прагматика).

Под клерикализмом мы понимаем любое институциональное влияние религии на политику. Сама по себе религия не является автоматическим гарантом добродетели. Оскверненный клерикализм оборачивается инквизицией, религиозным террором и легитимизацией эксплуатации. Это удобная схема социальной заморозки, при которой массам проповедуют аскезу, смирение и воздаяние после смерти, в то время как элиты купаются в роскоши, объявляя свои привилегии «божьим промыслом». Есть и богословская подмена, а именно подмена реального нравственного усилия дешевой «верой». Логика такова, что раз человек грешен, достаточно просто ритуально верить, а в земных, политических делах можно действовать максимально беспринципно и утилитарно.

Деградивовавший материализм, в свою очередь, возводит в абсолют голый рации. Этика становится служанкой выгоды. Таким образом морально то, что приносит политические дивиденды или экономическую прибыль. Однако историческая правда состоит в том, что именно нравственный и духовный базис предопределяет долгосрочный успех нации, а не наоборот.

Остальные пары

Остальные пары разберем сжато, ведь тенденция в них та же.

Капитализм и коммунизм вырастают из ценностей индивидуальности и общности. Оскверненный капитализм оборачивается эксплуатацией людей с меньшим капиталом, монополиями, живущими только своими интересами, погоней за сиюминутной выгодой в ущерб природе и обществу, подкупом политической системы, консьюмеризмом и подменой истинной ценности вещей рыночной ценой, недоступностью качественного образования и медицины. Оскверненный коммунизм страдает теми же болезнями, что и оскверненный социализм.

Космополитизм и патриотизм вырастают из уважения к чужому и уважения к своему.

Оскверненный патриотизм противопоставляет народы друг другу, и отсюда нацизм, расизм и ксенофобия, слепое принятие всех ошибок своей страны, обида на другие государства и неоправданные войны с ними. Оскверненный космополитизм оборачивается потерей идентичности и наследия, отказом от ценностей предыдущих поколений в угоду сильным глобальным игрокам и властью мировых элит, оторвавшихся от граждан.

Глобализм и изоляционизм вырастают из сотрудничества и самостоятельности. Оскверненный глобализм подменяет синтез компромиссом, порождает нахлебничество, зависимость и вытекающую из них эксплуатацию и стирает мировое многообразие. Оскверненный изоляционизм ведет к стагнации и упущенным возможностям, замыкает страну в собственном оскверненном универсализме и попустительствует безнравственности в мире.

Индивидуализм и универсализм вырастают из красоты многообразия и существования идеала. Оскверненный индивидуализм оборачивается нигилизмом, отрицающим любой реальный нравственный вектор. Оскверненный универсализм отрицает многообразие и нарушает чужие свободы под предлогом высшего блага.

Прогрессивизм и традиционализм вырастают из развития к лучшему и сохранения лучшего. Оскверненный прогрессивизм превращается в перемены ради перемен, когда новое объявляется лучшим только потому, что оно новое, в разрыв с нравственным законом под видом освобождения от него и в непродуманные последствия, вред от которых несут те, кому предписано пострадать ради перемен. Оскверненный традиционализм оборачивается эксплуатацией одних людей другими, нетерпимостью и оправданием безнравственных практик под предлогом традиции и суверенитета.

Ловушка политического дискурса в том, что идеологи всегда сравнивают свой идеал с чужой грязью. Либерал указывает на лагерь, защищая идеальную демократию; а государственник указывает на коррупцию и распад, защищая идеальную империю.

Но признание идеологий лишь инструментами решает проблему лишь наполовину, потому что адепты всех этих «...измов» по инерции продолжают войну на уничтожение в логике «или мы, или они». Поэтому вертикальное измерение это не только высшая цель над идеологиями, но и другая линия фронта. В политике должна остаться лишь одна подлинная линия фронта, и проходит она **между политической добродетелью и безнравственностью.**

Пустота под идолом

Анатомия политических мутаций показала, что вырождается всё, от демократии до церкви. Осталось объяснить, почему это происходит с такой стабильностью.

Добродетель не сохраняется по инерции. Это не статичное состояние, которое можно задекларировать в конституции и оставить в покое. Это сверхусилие, которое либо возобновляют ежедневно, либо безвозвратно теряют. Так же как поле, которое перестали возделывать, не остается полем. Так происходит и с ценностью, заложенной в фундамент государства или партии. Ее либо кто-то активно охраняет, либо она исчезает.

Этот закон известен давно. Ибн Хальдун видел его в роковой смене поколений, когда третье проедает капитал, добытый кровью первого. Роберт Михельс видел его в том, что любая организация неизбежно рождает олигархию, а Макс Вебер в том, что живой дар основателя после его смерти кристаллизуется в мертвую должность. Если свести эту оптику воедино, у исторического угасания обнаруживаются три двигателя.

Первым двигателем служит **масштаб**. За пределами узкого круга, где соратников знают в лицо, подлинность ценности проверить невозможно. Ее подменяют знаком, вроде партийного билета или статуса, а знак способен носить любой приспособленец.

Вторым двигателем становится **преемственность**. Второе поколение наследует статус, но не призвание, и потому отбирает в систему не тех, кто готов платить и жертвовать, а тех, кто гарантирует лояльность, потому что системе нужна стабильность.

Третьим двигателем оказывается **успех**. Люди, получившие власть, получают доступ к ресурсу. Ресурс генерирует выгоду, и служение легко превращается в ее извлечение.

Эти три двигателя работают синхронно и разгоняют друг друга, из-за чего оставленная без защиты ценность легко мутирует в свою уродливую противоположность.

Из этого механизма вытекает вывод, что распад с разной скоростью, но с одной и той же неотвратимостью пожирает и республику, и монархию, и партию, и церковь. Следовательно, вопрос не в том, какая форма правления сбережет добродетель (никакая форма сама по себе ее не сбережет). Вопрос скорее в том, есть ли в обществе те, чья *единственная* задача состоит в том, чтобы следить за ней.

Такие люди были в каждой великой цивилизации, и всюду они стояли рядом с властью, принципиально не обладая ею. Будь то советник при царе, цензор при императоре, епископ на ступенях храма, митрополит, отказывающий суверену в благословении, или брахман, которого обязан выслушать кшатрий. Миссия у них была называть осквернение вслух и вовремя, пока в обществе еще жива личная память о том, какую цену за этот идеал заплатили. Там, где этот голос был слышен, цивилизации жили дольше одного поколения. Там, где его убирали или покупали, поле зарастало за срок жизни одного поколения носителей.

Три признака осквернения

Как узнать, что процесс вырождения существующей системы уже происходит? Словом «безнравственность» легко жонглировать как политическим ярлыком. Поэтому вертикальной оси нужен инструмент проверки, доступный любому гражданину без философского или богословского образования. Если препарировать все разобранные выше мутации, в каждой из них обнаружатся три симптома.

Первым признаком служит **рента, то есть частный захват общего**. Аристотель отличал правильные формы правления от извращенных по тому, правят ли элиты в общих интересах или в частных. В русской истории у этого есть термин *кормление*. Отмена кормлений при Иване Грозном была первой попыткой отсечь власть от ренты, а салтыков-щедринские градоначальники показали, чем заканчивается ее реставрация. Идеология с трибуны может клясться в верности

свободе или народу, но если в сухом остатке общественный ресурс перетекает в руки узкого круга (через монополии, номенклатурное распределение или «божий промысел»), то перед нами осквернение, в какие бы тоги оно ни рядилось. Где именно проходит граница между общим и частным, левые и правые будут спорить всегда, и этот признак их спора не решает. Он ловит тот захват, который обе стороны узнают одинаково.

Второй признак состоит в **подавлении обратной связи**. Русская словесность зафиксировала это ремаркой: «Народ безмолвствует». Последняя строка «Бориса Годунова» ставит клинический диагноз власти, которая больше ничего не способна узнать о реальности. Здоровое государство, как бы жестко оно ни было устроено, сохраняет институты, способные сказать «нет» и быть услышанными. Будь то независимый суд, пресса, оппозиция, пророк или цензор. Распад начинается там, где гонца наказывают за весть, и становится необратимым там, где правитель слышит только собственное эхо.

Третий признак состоит в **изъятии элит из-под правил**. Фридрих Хайек видел суть правового порядка во всеобщности закона. Он одинаково связывает и тех, кто подчиняется, и тех, кто его пишет. В русском культурном коде это зачеканено репликой Чацкого: «А судьи кто?» Правила, обязательные для всех, кроме их авторов, превращаются в инструмент эксплуатации. Безнаказанность верхов при безжалостной строгости к низам служит клеймом, одинаково выдающим и оскверненную демократию, и оскверненную автократию, и оскверненную церковь.

Три врага

Наш анализ обнажил врага, а именно **безнравственность**, разъедающую систему изнутри. Но сводить все к нравственности было бы наивно. Честный диагноз требует назвать еще двух врагов, иначе лечение не работает.

Вторым врагом будет **незнание**. Люди с чистыми помыслами регулярно приводят государства к катастрофам просто потому, что не просчитывают последствий. Общество на порядки сложнее любой аналитической записки. Врач с чистым сердцем, но без знаний, опасен не меньше корыстного. Фридрих Хайек назвал это проблемой знания, потому что информация, необходимая для принятия точного решения, распылена между миллионами экономических агентов, и ни один центр не способен собрать ее воедино.

Третьим врагом будут **стимулы**. Система, в которой честному человеку экономически или карьерно выгодно совершить подлость, со временем развратит большинство. И дело не в том, что люди испорчены по природе, а в том, что лишь единицы способны десятилетиями плыть против течения. Налоговый кодекс, принципы кадрового отбора, правила финансирования партий, тендерные процедуры, правила, которые меняются задним числом, и проверки, от которых спасает лояльность. Всё это формирует течение. Оскверненные идеологии, описанные выше, не ставили целью внедрить зло; они просто сконструировали стимулы, при которых цинизм стал нормой выживания.

Три врага связаны, и в языке пролога они складываются в одну фигуру. Рука состоит из первых двух, корысти и незнания, а третий враг, стимулы, есть то течение, которое несет ее к подножию Идола. Безнравственность питается дефицитом знания (проще извратить то, в чем никто не разбирается) и цементируется стимулами (коррупция, ставшая выгодной, воспроизводит саму себя). И лечение здесь комплексное. Добродетельный человек ищет знания и строит честные правила. А честные правила делают добродетель посильной для обычных людей. Вертикальная ось бьет в первого врага напрямую, а в двух других опосредованно. Но без вертикальной оси двух других не победить вовсе. И вот почему.

Институты для «народа дьяволов»

Здесь нужно остановиться и ответить на возражение о том, зачем политике нравственная ось, если у человечества уже есть ответ на порчу власти, и он работает. Этот ответ называется институтами. Эта защитная стратегия родилась на пепелище религиозных войн, когда элиты поняли, что споры о том, кто более свят, проливают больше крови, чем даже передел границ. И ими был найден прагматичный ответ. Поскольку в душу правителю не заглянешь, нужно спроектировать институты так, чтобы приемлемый государственный результат получался даже из корыстолюбивых эгоистов.

Джеймс Мэдисон в «Федералисте» писал: «Честолюбие должно противостоять честолюбию». Иммануил Кант сформулировал это еще радикальнее, сказав, что проблема учреждения государства разрешима даже для «народа дьяволов», если только они обладают рассудком. Инженерия против второго и третьего врага известна. Это разделение властей, политическая конкуренция, сменяемость, прозрачность и независимый арбитраж, то есть система, которая агрегирует рассеянное знание и меняет стимулы так, чтобы порок дорого стоил. У этой инженерии есть и нынешние наследники, от рейтингов репутации до алгоритмов и умных контрактов, контролируемых искусственным интеллектом, которые обещают сделать ренту невыгодной без всякого обращения к совести. Сказанное ниже относится к ним в той же мере, потому что алгоритм пишут люди, и тот, кто его пишет, становится новым советом, только безымянным и никому не подотчетным.

Списывать эту инженерию в архив было бы ошибкой. Она дала долгие периоды внутреннего мира и рост благосостояния. Там, где эти механизмы работают, их надлежит беречь. Добродетельный плюрализм не предлагает сломать сдержки и противовесы ради слепой веры в «хорошего царя», потому что этот путь история уже забрала.

Но у институциональной инженерии есть предел, и он обнажился сегодня. **Институты, созданные для дьяволов, не работают, если в них играют исключительно дьяволы.** Механизмы крутятся лишь до тех пор, пока критическая масса элит и граждан соблюдает правила не из страха перед тюрьмой, а в силу укорененной привычки к порядочности. Пока судья не берет взятку, хотя риск минимален, и пока избиратель голосует за будущее нации, а не только за прибавку к пенсии.

Всё это и есть **нравственный капитал общества**. Проблема в том, что институты этот капитал лишь расходуют, но не производят. Токвиль писал, что американскую республику держат нравы крепче, чем законы, а Даниел Белл спустя полтора века показал, как капитализм проедает протестантскую этику, из которой вырос. Немецкий правовед Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде выразил это одной фразой, что светское государство живет предпосылками, которые само не в состоянии гарантировать. А Ильин в «О сущности правосознания» сказал то же самое по-русски за полвека до него, написав, что право живет правосознанием, а правосознания государство не создает, оно им пользуется.

Когда нравственный ресурс исчерпан, правила остаются, но суть улетучивается. Выборы превращаются в политтехнологический торг, суды в инструмент рейдерства или репрессий, а прозрачность в театр. Это и есть та картина, с которой мы начали. Мы видим не крушение институтов, а их выхолащивание. Или, другими словами, осквернение.

Отсюда следует то, что модерн упустил. Институциональный и ценностный (добродетельный) подходы не являются антагонистами. Это две несущие опоры единого государства. Институты делают честную жизнь посильной для большинства, избавляя от необходимости ежедневного героизма. Но именно политическая добродетель вдыхает в институты жизнь, наполняя их

людьми, для которых право служит инструментом созидания, а не препятствием на пути к ренте.

Часть II. Высшее благо и спор о нем

Диагноз назвал двух врагов, идола и руку. Поговорим теперь подробнее о том единственном, что защищает от первого. А поскольку это «единственное» произносили и те, кто затем зажигал костры, вторая половина этой части отдана возражениям.

Что вмещает все ценности

Ценности не выстраиваются в иерархию сами по себе. Свобода, справедливость, порядок, милосердие, знание и красота, и каждая из них требует места. На практике места для них всех одновременно не хватает, потому что в любом конкретном государственном решении одну добродетель приходится урезать ради другой. Тот, кто это отрицает, либо никогда не принимал решений, либо лжет, и Исая Берлин был прав, называя выбор между подлинными благами трагичным.

Но из трагичности выбора не следует его произвольность. Чтобы пожертвовать одной ценностью ради другой и при этом не сотворить из победившей идеи Идола, необходим критерий, возвышающийся над ними обеими.

Философия знала это задолго до современных споров о либерализме. Аристотель называл такую мерку Высшим благом, понимая под ним то единственное, *ради чего* вообще существуют все остальные. Платон пошел еще дальше и определил Благо как то, что делает благами все прочие вещи, подобно тому, как солнце делает вещи видимыми, само при этом не являясь ни одной из них. Владимир Соловьев сформулировал это как *всеединство*, то есть абсолютный синтез, который не стирает различий, а гармонично собирает их вокруг смыслового центра.

Пока, например, Свобода и Справедливость спорят в горизонтальной плоскости, этот конфликт неразрешим, поскольку каждая меряет оппонента исключительно по собственной шкале. Но как только над ними появляется Высшая цель, ради которой они обе и существуют, политика перестает быть войной лозунгов «свобода против справедливости» и становится поиском ответа на технологичный вопрос: *что именно в данных исторических обстоятельствах ведет к Цели, и в какой точке легитимный инструмент превращается в способ удовлетворения корыстных интересов?*

Предел светской этики

Необходимо также честно признать предел прочности светского фундамента. Если мы исходим из того, что Бога нет, а горизонт человеческого существования обрывается физической смертью, добродетель держится на привычке, страхе наказания и пользе. Но эти опоры отказывают в решающий момент, когда от гражданина или управленца требуется не извлечение выгоды, а жертва. Утилитаризм логично доводит эту мысль до конца, и мораль превращается в полезный инструмент. Но инструмент можно легко отбросить, как только он мешает. Современная секулярная культура все еще живет за счет нравственного капитала, накопленного в религиозные эпохи, и до сих пор не показала, что умеет воспроизводить его сама.

Впрочем, справедливость требует признать, что существует еще четвертая опора, община (репутация среди тех, чье мнение для человека значимо), и она способна удержать человека и в момент жертвы. Здесь лежат главные исторические контрпримеры. Самые секулярные общества мира (скандинавские) остаются наименее коррумпированными уже третье поколение подряд. Япония и конфуцианская Восточная Азия воспроизводят честность государственного аппарата без теизма в строгом смысле этого слова, поскольку они держатся на общинной чести и страхе «потери лица».

Таким образом, светская этика действительно способна удерживать добродетель. Но лишь там, где ее веками выковывала религиозная или общинная культура, и где само общество мало, однородно, богато либо спаяно плотной сетью взаимного контроля. Однако эта опора хрупка, поскольку этика не переносится через границы, не переживает социального распада, растворяется в мегаполисах и слабеет при масштабировании, о котором говорилось ранее.

Существует и пятая светская опора, философская убежденность в объективности добра (от античных стоиков до Канта). Она обосновывает право на жертву, но требует такой работы мысли, которую массовая культура воспроизвести не способна.

Вера дает то, чего лишены все перечисленные конструкции. Она дает то же самое свойство, которым обладает Высшее благо на макроуровне, но переведенное в масштаб конкретной личности.

Это основание не зависит ни от прагматичной выгоды, ни от электорального согласия большинства, ни от сохранности социальной среды. Это стержень, который человек носит с собой, в какие бы катастрофы он ни попал. Если для личности Высшая истина объективна, и эта истина есть Бог, то добродетель перестает быть изменчивым социальным контрактом, который можно расторгнуть. А жертва перестает быть пугающей потерей, потому что ее подлинный плод вообще не принадлежит человеку.

Эта работа не утверждает, что без Бога политическая добродетель в принципе невозможна. Институты и маркеры осквернения работают и на светском фундаменте. Но концепция утверждает иное. Среди всех возможных оснований добродетели вера есть то основание, которое человек уносит с собой при распаде общины, страны и эпохи, не требуя для этого философского подвига, и потому самое переносимое из всех, а вместе с тем и самое органичное для абсолютного большинства человечества. Политика, выведшая это основание за скобки легального дискурса, добровольно обкрадывает саму себя. Для глобального мира, многоязычного, разнородного и раздираемого экзистенциальными кризисами, вера остается тем же спасительным якорем, каким была всегда.

Довод об исчерпании

Что именно имеет право встать над всеми политическими ценностями? История предлагала множество ответов, и каждый из них был проверен человечеством до конца опытным путем.

Нацию возводили в абсолют, и она вырождалась в национализм, то есть в Идола, требующего тотального подчинения и разрушающего всё вокруг, вплоть до самой нации. Класс ставили выше всего, и он оборачивался террором против иных классов, а затем и против собственного. Человечество провозглашали высшей целью, и во имя абстрактного «человечества» истребляли живых людей. Прогресс возносили на алтарь, и настоящее приносилось в жертву будущему, которое так и не наступило. Церковь, которая пыталась поставить себя как земную институцию выше Того, Кому она призвана служить, мутировала в репрессивный клерикализм, разобранный в первой части.

Но всякое *конечное* высшее благо, то есть любое благо, которое можно назвать, очертить границами и приватизировать, неминуемо становится Идолом, как только его водружают на высший пьедестал. Потому что у приватизированного блага появляются хозяева, а у хозяев всегда есть Рука.

Следовательно, **над всеми ценностями может возвышаться только то, что невозможно присвоить**. Это не вещь в материальном мире, не социальная группа, не институт и не политическая программа. Это то, о чем ни один человек, ни одна партия и ни один класс не вправе заявить: «Оно мое», или «Я знаю, чего оно требует, и потому вы обязаны мне подчиняться».

В религиозных традициях это называется Богом. О том, как Он открывается человеку, традиции спорят между собой, и данная концепция этот спор не решает, он лежит за ее пределами. Для политической архитектуры достаточно того, что все традиции сходятся в том, что Высшее благо *трансцендентно*. Оно не принадлежит никому на земле, и потому оно единственное из всех кандидатов на высшее место несет в себе запрет на собственное присвоение. В политике защищает от Идола **не сама трансцендентность, а правило, которое из нее следует**, и о нем сказано ниже.

Светский читатель вправе остановиться у этой двери. Он прошел весь маршрут, опираясь исключительно на логику и опыт. Но пусть он зафиксирует факт, что все конечные суррогаты, которые человечество пыталось поставить на пьедестал, наша работа уже перебрала и отбраковала.

Почему это не теократия

Всякий, кто читал историю, здесь насторожится, и правильно. Слова «выше всех ценностей стоит Бог» произносили те, кто затем судил именем Бога. Поэтому нужно сказать, что следует из трансцендентности Высшего блага для политики, а следует из нее противоположное теократии.

Главный оппонент этой работы не циник и не моральный релятивист. Шигалев у Достоевского, отправляясь от безграничной свободы, математически приходит к безграничному деспотизму. А Великий Инквизитор отнимает у людей свободу ради их же счастья, и делает это из любви.

В западной политической философии эту позицию сформулировала Джудит Шкляр, назвав ее *«либерализмом страха»*. Политике, утверждала она, категорически противопоказан поиск Высшего блага, о котором люди никогда не договорятся и за которое всегда будут убивать друг друга. Костры, гильотины и концлагеря зажигали не циники; их возводили идеалисты, точно знавшие, в чем состоит благо, и готовые загнать в него остальных железной рукой. Поэтому единственно честной будет та политика, что ставит жестокость на первое место в иерархии пороков и отказывается от любого положительного государственного идеала как от смертельной угрозы. Об этом всю жизнь предупреждал и Исайя Берлин: «положительная свобода» (свобода быть тем, кем *должно*) рано или поздно служит оправданием для прямого принуждения к ней. Политика добродетели уже была испробована в истории, и имя ей Максимилиан Робеспьер. А любая вертикальная ось неотвратимо упирается в Комитет общественного спасения. Следовательно, всякий, кто пытается реставрировать вертикаль, либо преступно не знает истории, либо наивно полагает, что в этот раз рукоятку гильотины будет держать он сам.

Это серьезное возражение, и отвечать на него необходимо по существу, а не клятвами в благих намерениях, ведь у Робеспьера они тоже были благими.

Если Высшее благо нельзя присвоить, его нельзя присвоить и от имени религии. Всякий, кто говорит «я знаю, чего Бог хочет для государства, и потому вы обязаны», сделал идола из собственного знания о Боге, и это самый опасный из идолов, потому что он носит имя Того, Кто идолом быть не может. Богословие давно знает путь, на котором о высшем говорят через то, чем оно не является, и называет его апофатическим. Политике, желающей Высшего блага и боящейся костров, подходит только он.

Ни одна дискуссия никогда не поставит точку в вопросе о том, как выглядит абсолютное благо. Положительное описание идеала уникально для каждой великой традиции. Христианин поставит смирение впереди автономности, стоик ровно наоборот; либерал начнет со свободы, социалист со справедливости. И каждый из них будет прав внутри собственной аксиоматики. Высшая цель, перечень добродетелей и контур идеального общества остаются пространством непрекращающегося исторического спора. Любой, кто пытался директивно прекратить эту дискуссию, объявив единственное определение блага государственно обязательным, рано или поздно приходил к Робеспьеру или Великому Инквизитору. Потому что утверждение монополии на благо всегда требует насильственного принуждения людей к чужому идеалу.

В отличие от абстрактного блага, порчу любой ценности люди распознают одинаково, независимо от того, какому политическому богу они молятся. Либерал и социалист никогда не придут к консенсусу о том, что важнее, свобода или справедливость. Но они оба сразу узнают ситуацию, когда чиновник приватизировал себе то, что не должен был.

Это универсальный принцип, пронизывающий все сферы жизни. Например, в медицине врачебное сообщество десятилетиями спорит о критериях «идеального здоровья», и эти определения постоянно меняются. Но открытый перелом видят все, и лечить его начинают немедленно, не дожидаясь конца симпозиума. В плане эстетики дать исчерпывающую формулу «гениальной музыки» не удастся никому, но фальшивую ноту слышит любой. В сфере права уголовный кодекс не пытается определить, что такое «праведная жизнь»; он описывает исключительно кражу, насилие и ложь, и общество благополучно выживает, так и не договорившись о всеобщей святости.

Есть ли фундамент, который разделяется всеми? Существует, и он давно задокументирован. В приложении к трактату «Человек отменяется» К.С. Льюис свел воедино этические максимы древних египтян и вавилонян, индийцев и китайцев, античных стоиков, скандинавов и христиан. Их постулаты о долге перед предками и потомками, о справедливости, честности и милосердии, совпали.

Но у этого фундамента есть одно критическое свойство. Глобальный консенсус достигается исключительно вокруг самих норм, а не вокруг их иерархии или метафизических оснований. И потому это согласие тем прочнее, чем более *отрицательную* форму оно принимает.

Восемь из десяти библейских заповедей начинаются с частицы «не». Международные декларации, под которыми ставили подписи представители концептуально несовместимых цивилизаций, держались на том же категорическом запрете. О том, чего *нельзя* делать ни при каких обстоятельствах, можно договориться почти со всем миром. О том, как выглядит Благо во всей его полноте, договориться можно только внутри собственной духовной традиции.

Отсюда вытекает главное следствие для политической архитектуры. Тот, кто берет власть, вместе с ней берет и обязанности, и к нему добродетель вправе предъявлять положительные требования, о которых пойдет речь в третьей части. Но к обществу в целом, к убеждениям, вере и культуре граждан, вертикальное (нравственное) измерение может войти в государственную политику **исключительно через отрицательный полюс.**

Это правило не ослабляет тезис о Высшем благе, оно из него следует. Трансцендентность и есть неприисваиваемость, а неприисваиваемость и есть запрет предписывать. Верующий соблюдает это правило из веры, потому что знает, что Бог больше его знания о Боге. Неверующий соблюдает его из осторожности, потому что видел, чем кончается обратное. Соблюдают его одинаково, и этого достаточно, чтобы жить в одном государстве.

Таким образом, между инквизиторской диктатурой и либерализмом, оставившим человека в смысловом вакууме, существует третий путь, когда система верит в существование Абсолютного Блага, но не верит в способность бюрократии его предписать. Апофатика соединяет обе правоты, потому что отдает конструирование Совершенства в ведение веры, культуры и традиции, а государству оставляет только право и обязанность распознавать порчу.

Помимо этого, опасность искажения необходимо учесть в институциональной механике. Государственный террор технологически требует совпадения двух факторов: наличия положительного определения добродетели и наличия власти, которая на основании этого определения карает. Комитет общественного спасения точно знал, что такое добродетель, и обладал гильотиной. Апофатическая политика отрицает и то, и другое. Никто в системе не получает монопольного права предписывать Благо, и никто из тех, кто обличает его осквернение, не получает распорядительной власти. Совет добродетели, о котором пойдет речь в третьей части, может заявить об осквернении ценности по трем проверяемым признакам, и не может сделать ничего сверх этого. Между его публичным словом и чьей-либо головой не существует ни одного карательного института.

Соседи

Услышав, что теолог конструирует «духовную политику поверх левых и правых», искушенный читатель сразу решит, что уже знает, на какую идеологическую полку поставить этот текст, и продолжит чтение лишь для того, чтобы подтвердить свой диагноз. Поэтому здесь необходимо провести демаркацию и назвать своих концептуальных соседей.

В России ближайшим соседом будет Четвертая политическая теория. Она также констатирует историческую исчерпанность либерализма, коммунизма и фашизма и также ищет точку опоры над ними. Но ее фундаментом служат перенниализм (вера в единую изначальную традицию, скрытую за всеми религиями) и воля к власти нового исторического субъекта. В нашей архитектуре нет ни того, ни другого.

Добродетельный плюрализм отказывается от конструирования единой синтетической метафизики в пользу прагматичной сходимости социальных практик. Он признает либеральную свободу легитимной политической ценностью наравне с прочими. И не ищет нового гегемона, а конструирует институциональный *голос без власти*. И главное, **он начинает суд исключительно со своего собственного лагеря**.

На Западе интеллектуалы-постлибералы последних лет тоже устали от стерильных процедур, лишенных высшей цели, и тоже заговорили о политической добродетели. Пропась между нами укладывается в одно слово. Они проектируют государство, которое *насаждает* благо. Мы проектируем государство, которое *подотчетно* благу. Тот, кто насаждает благо, вынужден директивно его определить. А тот, кто передает монополию на определение блага в руки правительственного аппарата, реставрирует тоталитаризм, от которого предостерегала Джудит Шкляр. Апофатическая механика блокирует этот сценарий на уровне базового кода.

Джон Ролз приходится нам ближайшим светским родственником. Его концепция «перекрестного консенсуса» (когда носители несовместимых мировоззрений принимают общие правила, исходя каждый из собственных предпосылок) почти дословно совпадает с тем, как в четвертой части описан общий язык практик, к которому верующие разных традиций приходят каждый из собственного основания. Но Ролз выносит всеобъемлющие доктрины, и прежде всего религию, за пределы публичного разума и лишь под конец жизни допускает их обратно при условии, что верующий переведет свои доводы на язык, понятный всем. Добродетельный плюрализм с этого условия начинается. Он возвращает веру в политическое пространство, но вешает на нее предохранитель в виде *права на исключительно отрицательное суждение*. Верующий получает легитимное право заявить, что государственное решение оскверняет ценность, но обязан доказать это по прагматичным признакам, очевидным для атеиста. Он не вправе требовать, чтобы светский закон подстраивался под его догму.

И, наконец, классический либеральный плюрализм, от которого мы отмежевались в самом начале. У него нет Высшей цели, и именно поэтому любая идеологическая позиция в его системе координат равна любой другой (что ведет к релятивизму). В нашей парадигме Цель существует. Политические позиции здесь не равны друг другу. Они сравниваются как инструменты достижения этой Цели.

Часть III. Защита: кто ведет и что их хранит

Три задачи

Чтобы перевести добродетельный плюрализм из плоскости идей в практику, нужно решить три задачи. Первая в том, чтобы сформулировать высшую цель цивилизационного развития. Вторая в том, чтобы определить, что такое добродетель и что такое безнравственность. Третья в том, чтобы понять, кто будет это воплощать.

Кто будет это воплощать в жизнь

И начнем мы с третьего вопроса о том, кто будет это воплощать. Потому что идеи не работают сами по себе. Качество их воплощения зависит от калибра людей, принимающих решения. Мы привыкли ломать копья в битвах идеологий, забывая, что их проводниками выступают живые люди, подверженные коррупции. Как финансовой, так и духовной.

Кризис современной цивилизации во многом сводится к кризису тех, кто принимает решения. Управленец, лишенный нравственного стержня, концептуально слеп. Он не способен отличить добродетель от распада так же, как дальтоник не различает цвета, поскольку корысть и цинизм искажают его оптику. Такой лидер (и мы видели это при разборе идеологических мутаций) будет искренне выдавать осквернение за заботу о народе.

Без фиксации этической нормы бессмысленно обсуждать любую идеологию. А без людей, способных стать живым камертоном этой нормы, бессмысленно обсуждать реформы. Главный вопрос в том, как выявить таких людей, институционализировать их влияние, защитить от развращения властью и создать механизм их отзыва.

История здесь беспощадна. И демократия, и неконтролируемая автократия продемонстрировали свои системные пределы. Демократия возникла как естественная реакция на произвол абсолютизма. Но современная электоральная модель зашла в тупик. Она исходит из парадокса, что эгоистичный избиратель (требующий расширения прав без оглядки на обязанности) почему-то должен выбрать себе бескорыстного правителя. На практике эгоизм масс порождает цинизм элит. Система схлопывается в то, что философ Жан Бодрийяр описал как эпоху симулякров, когда власть делает вид, что действует на благо народа, а народ делает вид, что верит в эту имитацию.

Прививка

Диагноз выявил двух врагов. Выше мы поговорили про защиту от Идола, осталась защита от Руки. Ведь у Высшего блага нет иных рук, кроме человеческих. Кому-то в любом случае придется вести за собой общество, писать законы, распоряжаться ресурсами и говорить от имени ценностей. И этот «кто-то» всегда будет человеком. А если однажды эти функции возьмет на себя машина, это будет машина, созданная людьми и унаследовавшая от них определенные установки.

Следовательно, вопрос в том, чем защитить правящих от осквернения. Совершенной защиты не существует, но можно предложить каскад определенных барьеров, состоящий из четырех контуров, эшелонированных от внешнего к внутреннему.

Первый контур институциональный. Он состоит из системы сдержек и противовесов, ротации, прозрачности и независимого арбитража, о чем говорилось в первой части. Эти механизмы не производят добродетель сами по себе. Но они делают порок неподъемно дорогим, а честность посильной. Этого прагматичного расчета достаточно, чтобы обычный человек оставался в рамках приличий, не требуя от себя ежедневного героизма. Сюда же относятся четыре условия жизнеспособности института совести (так ниже названа вся семья подобных органов), которые будут разобраны ниже.

Второй контур строится на отборе по характеру. Лидеров отбирают не по ораторскому красноречию, не по иерархическому сану и не по популистской программе. Их отбирают по тому, чего они делали и, наоборот, чего не делали годами, имея для этого все возможности. Этот фильтр тоже может давать сбои, но он ошибается кратно реже любого другого, потому что оценивает прагматику дел, а дела подделать несравнимо труднее, чем слова.

Третьим контуром служит голос. Можно предложить независимый институт, который вслух называет осквернение и которому власть обязана отвечать. Но у него нет административных рычагов. И поскольку он не правит, он не изнашивается вместе с властью. Он делает видимыми системные ошибки первых двух контуров. Это и есть **Совет добродетели**.

Четвертый контур внутренний. Это единственный барьер, защищающий не от *последствий* осквернения, а от самого *соблазна*. Речь идет о живой духовной практике. Это не формальная принадлежность к религии (история знает достаточно иерархов, осквернивших себя при безукоризненном соблюдении обрядов). Это ежедневное внутреннее усилие, которое удерживает сердце в предстоянии перед Тем, Кому оно служит.

Верующий знает эту механику из внутреннего опыта; неверующий признает ее по объективным плодам. У неверующего есть и собственные формы подобного усилия, от стоической самодисциплины до строгого кодекса общинной чести, о которых шла речь во второй части. Эта защита самая сильная, но и самая неverifiedируемая заранее. Поэтому четвертый, внутренний контур не отменяет трех предыдущих институциональных.

Ни один из этих слоев не дает абсолютных гарантий. Даже все четыре, сведенные вместе, их не дают. Но общество, выстроившее все четыре барьера, отличается от общества, не имеющего ни одного, как современная больница отличается от поля боя. Умирают и там, и там. Но с разной частотой.

Совет добродетели

Предохранителем должен стать совет добродетели, о котором пойдет речь далее. Он встраивает в государственное устройство недостающий элемент, а именно инстанцию, которая обязана говорить от лица нравственной нормы, обладая авторитетом, но будучи дистанцированной от оперативной власти. Поэтому главная задача в том, чтобы дать голос высокодобродетельным людям. Нам нужны люди со стратегическим мышлением, не погруженные в оперативное управление. Подлинные «голова и сердце» общества.

Как дать голос людям такого калибра, не создав при этом очередную номенклатуру? Ниже описана одна из возможных форм ответа. Сама форма может оказаться иной, ее подскажут время и обстоятельства.

Прежде всего это **голос без власти**. Совет не политический и не административный орган. У совета не должно быть полномочий запрещать, наказывать, распределять бюджеты или накладывать вето. Его функционал лежит в плоскости права и обязанности выносить нравственное суждение по любым государственным решениям, не углубляясь в бюрократическую механику их исполнения. Единственная «власть» совета состоит во власти публичного, обоснованного слова, на которое исполнительная и законодательная власть обязана дать столь же публичный, мотивированный ответ.

Входить в совет должны люди, чей масштаб личности в светской парадигме близок к понятию «праведник» или «мудрец». Это не обязательно (и не исключительно) религиозные деятели, потому что история знает достаточно клириков, не выдержавших испытания властью. Это люди, доказавшие способность подчинять личный интерес высшему, обладающие стратегическим видением и свободные от идеологических шор. Они должны признавать, что истина может говорить и на языке другой политической или духовной традиции. Такой совет не назначается сверху и не избирается всенародно, потому что первое дает захваченный совет, а второе еще одну партию. Он может только вырасти снизу, из людей, которых годами знают по делу.

Совет коллегиален. Это не единоличный пост, а структура, включающая различные фракции. Персонализация такой функции губительна, поскольку риски отклонений одного человека слишком велики.

Открытость нужна для того, чтобы полностью исключить рычаги подкупа или шантажа. Члены совета добровольно принимают на себя ограничения. Они не могут возглавлять партии, корпорации или религиозные объединения. Они ведут подчеркнуто аскетичный образ жизни. Фактически им предстоит жить как монахам-аскетам, будь то религиозным или секулярным. Памятуя о горьком историческом опыте симфонии церкви и трона, когда иерархи развращались вместе с элитой, мы вводим условие полной открытости всего, что может стать рычагом влияния, то есть доходов, имущества и встреч с представителями власти и бизнеса. Этот статус должен означать бремя, а не трамплин к привилегиям, что автоматически отсекает карьеристов.

Предмет его заключений всегда один, осквернение по трем признакам, и никогда благо. **Совет вправе сказать, что решение оскверняет ценность, и не вправе сказать, каким должно быть решение.** В этом вся апофатика, и в этом же защита от костра. Совет дает обязательные к рассмотрению заключения по решениям самого государства, от национальных проектов до

образовательных стандартов и культурной политики. Он оценивает действия власти, а не убеждения, веру и культуру граждан, и это различие принципиально, потому что институт совести, который берется судить граждан, за одно поколение превращается в цензуру. Заключение дается исключительно в ценностной плоскости, а управленческие решения остаются за теми, кто несет за них ответственность.

Совет обновляется, а его члены отзываемы. За малейшее компрометирующее поведение член совета исключается. Граждане вправе инициировать процедуру недоверия, но защищенную от заказных кампаний, иначе отзыв станет оружием против самых неудобных. Совет не привязан к электоральным циклам президента или парламента.

И последнее, защита от захвата. Необходимо продумать механизмы защиты от узурпации совета авторитарным лидером, который попытается превратить его в свою карманную легитимацию (подобно тому, как Муссолини в 1929 году попытался использовать Ватикан, заключив Латеранские соглашения). Признаки захвата описаны в следующих разделах, и все они проверяемы.

В этой парадигме форма правления, будь то президентская республика, парламентская демократия или просвещенная монархия, отходит на второй план. Главное здесь построить совет в систему так, чтобы он работал с нравственным целеполаганием, а не с техникой управления.

На что это похоже, а на что нет

Читатель вспомнит философов на троне из платоновского «Государства», Святейший Синод, Идеологический отдел ЦК КПСС или иранский Совет стражей конституции. Отличие совета добродетели от них принципиально.

Все перечисленные структуры либо обладали правом запрещать и карать, либо были сервисным придатком исполнительной власти, либо монополизировали истину в рамках одной узкой доктрины. Наш совет не может запретить, не встроен в вертикаль и не является филиалом какой-либо конфессии.

Ближайший же предок совета у того же Платона, но в «Законах», где он отказался от философов на троне и поставил над городом Ночное собрание, совет старейших и достойнейших, который законов не пишет, а хранит их и изучает, что такое добродетель.

Есть у этой функции и русское имя, печалование. Так называлось право и обязанность митрополита печаловаться перед государем за опальных, то есть не отменить приговор, а сказать о нем вслух и быть выслушанным. Это и есть голос без власти, и он был в русском государственном устройстве задолго до омбудсменов.

Ближайшими юридическими аналогами будут Конституционный суд (охраняющий принципы, а не тактику) и институт Уполномоченного по правам человека (имеющий голос, но не право приказа). Сила совета лежит в авторитете его членов и в обязанности власти отвечать на их мнение.

Может ли оскверниться сама эта концепция

Идеологии, которые мы разбирали, маскировали свою деградацию словами о Свободе или Справедливости. У добродетельного плюрализма, как у любой идеологии, тоже есть коренная ценность, добродетель. И есть свои осквернения, двух видов.

Осквернение властолюбием, когда добродетель становится оружием. Первый признак заключается в том, что вопросы задаются только чужому лагерю. Это значит, что ось, которая должна была разоблачать безнравственность с обеих сторон, превращается в дубинку против оппонента, а слово «оскверненный» становится ярлыком. Второй признак появляется, когда совет требует полномочий, сначала обязательности заключений к исполнению, потом права согласовывать назначения, потом права запрещать. Третий наступает, когда одна конфессия или одна партия объявляет себя монополистом на добродетель. Четвертый признак, гордыня, проявляется, когда члены совета начинают считать себя нравственной элитой и говорить с обществом сверху вниз. Это путь Робеспьера, и на нём каждый шаг кажется оправданным, ведь он ради добродетели.

Осквернение корыстью и ложью. Добродетель становится декорацией. Первый признак в том, что совет при власти благословляет всё, что ему приносят. Например, за год у него не возникло ни одного вопроса, изменившего решение тех, кто занимается политикой. Второй признак заметен по привилегиям, а именно по кортежам, должностям после мандата и доходам от тех, кого совет оценивает. Третьим признаком служит формализм, четвертым замыкание, когда совет говорит только с единомышленниками и только о собственной чистоте, а к решениям власти больше не обращается. Так Церковь синодального периода променяла голос на казенное жалованье, и каждый шаг на этом пути казался разумным, потому что сохранял институт.

Здоровую форму отличают от обеих по признакам, и все они проверяемы. Поэтому защита встроена в устройство, а не делегирована совести участников.

Четыре условия

Родословная института совести длиннее истории любой политической партии. Библейский пророк Нафан, обличивший царя Давида; епископ Амвросий Медиоланский, не пустивший в храм императора после резни; митрополит Филипп, отказавший Ивану Грозному в благословении посреди Успенского собора и задушенный за это Малютой Скуратовым; индийский брахман, которого был обязан слушать могущественный кшатрий; китайский цензорат, чиновники которого увещевали императора ценой карьеры, а порой и жизни. История этих институтов служит лучшим учебником. Она показывает не только то, как они работали, но и то, как они умирали.

Институт совести жизнеспособен лишь при соблюдении четырех условий.

Первым условием служит **независимость источника существования**. Пророк не получал зарплату из казны царя. Русский спор об этом условии длился полвека и называется спором иосифлян с нестяжателями. Иосиф Волоцкий защищал монастырские земли как основу независимости и благотворительности Церкви, Нил Сорский видел в имуществе порчу. Победили иосифляне, а через два с половиной века Екатерина отобрала земли, и Церковь, привыкшая к содержанию, получила его из казны и вместе с ним потеряла голос. Так оба были правы в том, чего боялись.

Второе условие состоит в **множественности голосов**. Пока пророков много, правитель не может купить или запугать их всех.

Третьим условием служит **свобода говорить**. Если китайского цензора казнят за первое предупреждение, второго не последует.

Четвертое условие состоит в **обязанности правителя реагировать**. Правитель может не согласиться, но обязан выслушать и ответить. Там, где царь мог просто проигнорировать мудреца, институт превращался в позолоту на троне.

Как только исчезает хотя бы одна опора, совесть нации становится либо жертвой режима, либо его соучастником. И последняя защита в том, что совет обязан раз в год публично называть собственные ошибки, поскольку **институт, который ни разу не ошибался, уже осквернен**.

Опекунство

Выдающийся теоретик Роберт Даль в труде «Демократия и ее критики» препарировал концепцию «опекунства» (правления достойнейших) как единственного серьезного интеллектуального соперника демократии. И последовательно показал, что такая модель требует от правителей превосходства одновременно и в знании, и в добродетели.

При этом надежного способа распознать таких людей и удержать их подотчетными обществу попросту не существует. Знание о Высшем благе не тождественно медицинской квалификации и его невозможно подтвердить государственным экзаменом. А всякий, кто самовольно провозгласит себя носителем этого знания, начнет судить общество по собственной субъективной шкале. А тот, кого невозможно ни верифицировать, ни сместить, рано или поздно вполне может начать править в личных интересах.

Ответ на этот вызов состоит из трех уровней защиты. Даль разносит в пух и прах опекунов, наделенных распорядительной властью. Но Совет добродетели власти не имеет. Распознавание кандидатов идет не по абстрактной «добродетели», о которой ведутся бесконечные философские споры. Оно строится на фиксации *отсутствия осквернения* на протяжении десятилетий. А неуязвимость Совета снимается процедурой немедленного отзыва, обязанностью ежегодного публичного признания собственных ошибок и непрерывным мониторингом любых признаков аппаратного перерождения.

Полностью возражение Даля этот контур не снимает, и куда точнее будет сказать, что угроза «опекунства» нейтрализуется до тех пор, пока Совет остается исключительно голосом без властных полномочий. И это ключевой и исчерпывающий аргумент в пользу того, чтобы не давать ему государственной власти.

Первый шаг

Казалось бы, механика первого шага очевидна. Если идеалом служит Совет добродетели, нужно учредить его прототип в малом масштабе, отработать модель и масштабировать на государственный уровень. Но здесь мы сталкиваемся с институциональным тупиком. Институты учреждает тот, у кого есть власть, и делает он это лишь тогда, когда сам готов к публичному аудиту своих решений. Таких людей во власти единицы, и это именно те лидеры, которым институт совести объективно нужен меньше всего. Мудрецы, лишённые рычагов, учредить ничего не могут, а система учреждает лишь то, что ей выгодно. Выгода же от совести для государства неочевидна до тех пор, пока у нее нет безупречной социальной репутации. Круг замыкается, и сверху его не разомкнуть.

Второй путь в том, чтобы отказаться от формальных учреждений и дать нескольким честным людям просто собраться и публично задать власти вежливый, мотивированный вопрос. В системе, где власть привыкла к диалогу, это сработало бы. Но там, где такой привычки нет, любой вопрос считается не как предложение, а как претензия. Спрашивающий автоматически зачисляется в политические противники, откуда пути назад часто уже нет. Первый шаг, адресованный вовне, обречен. Он должен быть **обращен внутрь**, к себе, к своему кругу и к тем, кто сам попросит о помощи.

Если разложить генезис Совета добродетели на этапы, мы получим строгую хронологию. Сначала нужен язык, в котором вертикальную ось можно артикулировать, не скатившись ни в один из идеологических лагерей. Затем нужны люди, воплощающие эту ось на практике. Затем нужно, чтобы они узнали друг о друге. За этим следует опыт совместного созидательного действия. И лишь потом появляется лидер с властным ресурсом, который сам призывает их к диалогу. Призывает не из добродетели, на которую рассчитывать нельзя, а потому, что к тому времени репутация этих людей сделает диалог с ними выгодным, а отказ от него заметным. Так архитектура обходится без хорошего царя, которого мы уже отвергли. Она делает совесть выгодной прежде, чем просит власть ее выслушать. Из этих пяти звеньев первые три не требуют ничего разрешения, а последние два без первых трех невозможны.

Добродетельных людей в стране достаточно. Главная слабость общества в том, что эти люди друг для друга невидимы. Каждый несет свой крест в одиночку, и ни у кого нет общего имени для того, что их объединяет. Левый благотворитель и правый промышленник не подозревают, что находятся в одном лагере, просто потому, что этот лагерь им никто не назвал.

Вот конец клубка, за который нужно потянуть. Добродетель в обществе есть, но она атомизирована, безымянна, и потому политически бессильна. Собранная и названная, она обретает ощутимый вес, и для этого ей по-прежнему не нужны санкции сверху. Первый шаг заключается в том, чтобы понять, какими способами и методами собирать таких людей, чтобы в процессе их обсуждений и совместной деятельности постепенно начали возникать объединения, которые станут прообразами советов.

Часть IV. Духовный плюрализм, или что меняет одна предпосылка

Дверь и договор

Вот мы и дошли до двери, за которой нам необходимо ответить на вопросы того, что же считать Высшим благом, и что Добродетелью. Сделать это полноценно можно лишь сформулировав основание, о котором говорилось во второй части работы.

Без разговора о теологии и духовности здесь уже не обойтись. Сегодня понятие «светского государства» страдает двойственностью. В классическом, здоровом понимании оно означает отказ государства от принудительного насаждения конкретной конфессии. С этим мы согласны. Но есть и вторая трактовка, а именно вытеснение религии из публичного поля, низведение веры до частной привычки, не имеющей права влиять на общественные процессы. Это и есть оскверненный индивидуализм, разобранный в первой части. Бердяев в «Царстве Духа и царстве кесаря» провел ту же границу с обеих сторон, написав, что Дух не должен править кесарем, но и кесарь не вправе объявить, что Духа нет.

Тот исторический факт, что западная цивилизация пошла по пути мирского секуляризма, говорит не о победе атеизма. Это была естественная историческая реакция на политическую безнравственность оскверненной религии. Когда религия, утратив святость, пыталась претендовать на роль монополии, общество ответило не очищением религии, а проектом «нравственного атеизма», по которому и пошло в эпоху Модерна.

Но секуляризм не нейтрален. Он лишь заменяет одну систему верований другой. Политический материализм не синоним науки, а лишь философская интерпретация, которая тоже требует веры. Наука описывает, как устроен мир, а вопрос о том, есть ли у него замысел, наукой не решается ни в ту, ни в другую сторону. **Утверждение «замысла нет» такое же метафизическое, как утверждение «замысел есть»**, и государство, положившее первое в основу образования и культуры, не нейтрально, а исповедует свою веру.

Причем оскверненный секуляризм действует как монополия на рынке идей. Он не защищает свободу совести, он закрепляет право сильного, когда одна вера, заняв положение государственной, вытесняет другие.

Духовный секуляризм стоит на другом принципе. Он не отменяет светского строя, потому что не лоббирует интересы представителей отдельного мировоззрения. Человеческая природа неоднородна. Каждый рождается со своими задачами и своим уровнем готовности к истине. Сам Творец дал человеку свободу воли, вплоть до права не верить в Него. Поэтому Высшая истина не насаждается принуждением. Напротив, общество оставляет место относительным истинам, которые постепенно подводят к высшей. Поэтому духовный секуляризм допускает и нравственный атеизм.

Здесь уместна классическая метафора. Есть единый ствол (Высшая истина), из которого естественно произрастает множество ветвей. Они не конкурируют со стволом и не уничтожают друг друга; напротив, только вместе они образуют жизнеспособное древо культуры.

Все, что было доказано до порога текущей двери, опиралось на исторические прецеденты, управленческую механику и три верифицируемых признака осквернения. Ниже к этому инструментарию добавляется ровно одна аксиома: *Высшее благо есть Боги*, и все дальнейшее есть проверка того, что именно эта посылка меняет в уже построенной архитектуре.

Светский читатель вправе воспринимать эту часть как интеллектуальный эксперимент, подставляя слово «Добродетель» вместо слова «Бог». И следить, где эта подстановка выдерживает нагрузку, а где неизбежно ломается.

Но прежде чем вводить эту аксиому, необходимо демонтировать одно распространенное предубеждение. С ним современный политик слушать этот текст попросту не станет. В глазах управленца Наука занимает место непререкаемого авторитета исключительно потому, что она умеет проверять и доказывать. Вера же низведена до уровня субъективного «чувства», которому объективная проверка по штату не положена. Из-за этого в серьезном государственном дискурсе религии отводят уютную резервацию где-то между фольклором и психотерапией. Это интеллектуальное высокомерие должно быть разрушено, потому что оно ложно по самой своей сути.

В секулярной парадигме вера часто стигматизируется как слепая догма и противопоставляется научному рацио. Однако если развести процессы поиска истины и ее проверки, мы получим союз строгости и авторитетного знания.

Представьте себе подбор сложного пароля. Метод слепого перебора займет тысячелетия. Но если ключ передан нам из надежного источника, его проверка займет несколько секунд. Нам не предлагают слепо верить в ключ; нам предлагают проверить его работоспособность на практике. Неразумно познавать мироздание одним перебором, отвергая ключи, заложенные в священных текстах. Эти ключи можно и нужно проверять строгой логикой, историческим процессом и социальным опытом.

Разница между наукой и верой, таким образом, не в строгости проверки, а в том, откуда берется гипотеза. Наука генерирует гипотезы методом перебора, в то время как традиция передает гипотезу как готовое наследие. Вторая часть не просила поверить, что над ценностями стоит Абсолют. Она перебрала все конечные кандидаты и показала, что каждый из них человечество уже опробовало и отбраковало. Ключ был передан традицией, а проверку сделала история. Религия, понятая так, представляет собой уже не сентимент, но знание, у которого другой источник и та же процедура проверки. И первенство, которое наука получила в глазах политиков и народных масс, держится на том, что об этой процедуре забыли.

Поэтому теологические концепты могут и должны проходить проверку в открытых, непредвзятых дебатах между интеллектуалами разных традиций, включая научный материализм. И такой подход не превращается в универсализм, потому что даже если в дебатах есть победившая сторона, духовный секуляризм сохраняет за человеком свободу воли, будь то принять Высшую истину или остановиться на истине локальной, подготовительной.

Светская политика, демократическая или любая другая, вынуждена нащупывать высшее благо вслепую, методом проб и ошибок, потому что другого источника у нее нет. Этот слепой перебор оплачивают страданиями миллиарды людей и сотни миллиардов животных. Для верующего духовный плюрализм дополняет метод познания. Он отталкивается от онтологии, от размышления о том, по каким законам Творец устроил реальность, опираясь на авторитетное знание, выверенное логикой. Совершенным действием здесь считается то, которое соответствует воле Господа в этой ситуации, то есть Его промыслу.

Следовательно, для верующего любые прикладные дискуссии об экономике, праве и социальном устройстве оказываются, в сущности, производными от разговора о Боге. Каковы Его законы? Как устроена Его справедливость? В этой парадигме глубокая теологическая мысль перестает быть уделом кафедр и становится практическим вопросом о том, как добродетель должна быть воплощена в устройстве общества. Духовность перестает быть частным сектором жизни и становится для него несущей конструкцией политики, причем такой, которая обязана уживаться с конструкциями сограждан, построенными на иных основаниях.

Что меняет одна предпосылка

Скептик вправе спросить, не сводится ли все это к красивым словам, которые ничего не меняют в социальном устройстве.

В первой части мы наметили контуры выхода из идеологического тупика, однако в материальной, «горизонтальной» плоскости базовые ценности все равно остаются соперниками, которых можно лишь уравнивать. Теизм дает верующему то, чего равновесие дать не может, а именно основание, на котором соперники оказываются сторонами одного целого. Естественная конкуренция идей никуда не исчезнет, потому что разные люди всегда будут отражать разные грани добродетели (разные свойства Творца). Но подобно тому, как эти грани непротиворечиво слиты в самом Боге, они могут быть гармонизированы и в устройстве общества.

Проиллюстрируем это на классических политических дихотомиях.

Спор капитализма и коммунизма идет о том, кому принадлежит собственность, частному лицу или государству. Из нашей предпосылки ответ следует прямо. Ведь если все сущее принадлежит Творцу, то нации, корпорации и граждане не самовластные хозяева, а лишь временные управляющие, которым активы вверены для созидания. Опыт это подтверждает. Если бы человек чем-то подлинно владел, это нельзя было бы отнять у него против его воли, а в реальности капиталы рушатся, активы изымаются, и смерть обнуляет любые титулы собственности. И духовный плюрализм смотрит на собственность через эту призму. Этот подход переводит спор

капитализма и коммунизма из войны в спор управляющих о том, как лучше распорядиться вверенным. Он требует концептуального отказа от иллюзии абсолютной монополии на богатство. Но при этом он дает гражданину и предпринимателю полную свободу (в рамках нравственного закона) распоряжаться вверенным капиталом так, как если бы он был его собственным. Экономика превращается из гонки за обладание в систему ответственного управления и служения.

Уже отсюда меняются три признака осквернения, получая основание, которого у светской версии не было. Частный захват общего имущества, например, оказывается кражей у настоящего Владельца, и Рука лишается последнего оправдания, будто берет ничье. Подавление обратной связи оказывается отказом слышать истину. Правитель не способен монополизировать правду, ведь она, как и все сущее в этом мире, ему не принадлежит. Изъятие элит из-под правил оказывается претензией стоять выше закона, который связывает даже всемогущего суверена. Пророк Нафан, пришедший к Давиду с притчей о единственной овечке бедняка, сделал ровно это, когда напомнил помазаннику, что закон Владельца обязателен и для него. Светская матрица трех признаков опирается на социальный контракт между людьми. Но любой человеческий договор можно расторгнуть, переписать в свою пользу или аннулировать силой. Теистическая архитектура стоит на том, что не подлежит перезаклучению никогда.

Трансформируется и спор личного с общим. В секулярной политике конфликт между личным интересом и общественным благом неразрешим, и государство лишь настраивает временный баланс компромиссов. Но этот конфликт меняет свою природу, если принять во внимание Божественную справедливость. При ней хищническое потребление или нецелевое использование дарованных ресурсов неизбежно ведет к деградации самого эксплуататора, в исторической перспективе или за ее пределами. Служение общему благу становится самым прагматичным условием твоего собственного процветания. Накопление капитала ради самого накопления теряет смысл, потому что критерием успешности становится не объем контролируемых ресурсов, а безупречность их применения. Так появляются люди, которые берут на себя лишь то, чем способны праведно распорядиться. Только такое понимание справедливости, в котором общественный интерес и личный сходятся, способно уменьшить конфликт индивидуализма и социализма, потому что обе стороны начинают работать над одной задачей, а именно над тем, чтобы устройство общества соответствовало закону Божественной справедливости. В отличие от обычного либерализма (индивидуализма), духовный либерализм не устанавливает права и свободу каждого человека высшей ценностью. Высшей ценностью является соответствие мира замыслу Бога. Права и свобода каждого человека при этом не отменяются, но понимаются не в противовес Господу и не в отрыве от Него, а в сотворчестве с Ним, в то время как Он, как любящий отец, предлагает их огромную палитру.

Та же посылка отвечает и на вопрос о равенстве. Могут ли граждане быть фундаментально равны и при этом выстроены в иерархию? Безусловно. Духовное равенство постулирует, что каждый человек есть живая душа, обладающая равным человеческим достоинством и равным правом на постижение истины. Это фундамент базовых гражданских свобод. Однако реализация этого потенциала всегда уникальна. И любое право неразрывно связано с ответственностью. В зависимости от внутренней природы, талантов и качеств, каждый человек получает свое дело, а значит и свою степень ответственности. Это закономерно формирует общество классов. Но это иерархия не привилегий и сверхпотребления, а иерархия долга и обязанностей. Базовые права едины для всех, но формы служения у правителя, интеллектуала, предпринимателя и труженика разные. И этот функциональный долг не навязывается силой, а принимается как естественное следствие осознанного жизненного пути.

Меняется и то, кого представляет власть. В классической демократической модели политики представляют интересы строго ограниченных групп, тех самых избирателей, которые приводят их к власти. Выборы слепы к тем, кто лишен бюллетеня. Они не видят будущих поколений, не видят биосферу и не видят интересов Самого Творца. Духовная демократия восполняет этот пробел. Она вводит в систему представителей тех, у кого нет голоса, и с тем же мандатом, что у совета, то есть с правом сказать, что решение оскверняет интересы тех, кто не может возразить.

Духовная автократия, признавая закон свободы воли, не служит некой абстрактной «высшей идее» в отрыве от живого человека. Каждый гражданин воспринимается как дитя Творца, поэтому служение Богу реализуется через служение людям и постоянный диалог с ними.

Извечная политическая дилемма «служить человеку или служить идеологии» здесь снимается для верующего политика. Конечным заказчиком политического действия выступает не колеблющийся электорат и не бездушный «изм», а Господь. Политик освобождается от необходимости лстить толпе. Здесь нужно самое строгое условие во всей работе, потому что словами «я служу Богу, а не людям» оправдывали себя все теократии, какие знала история. Служение Богу не дает политику права единолично решать, чего Бог хочет, и не изымает его из проверки по трем признакам осквернения. Поскольку Творец печется о благе Своих творений, служение Ему проверяется работой на подлинное благо людей, и никак иначе, а верующий политик, который перестал слышать людей, ссылаясь на Бога, по критериям этого текста уже осквернен.

Наконец, посылка меняет границы того, кого мы считаем своими. Все в этом мире принадлежит Творцу, а человечество составляет единую Божественную семью. Лозунг «все люди братья» остается пустой декларацией, пока мы не признаем наше общее духовное первородство. Механизм здесь тот же, что и у собственности. Война на уничтожение требует, чтобы чужой народ был ничьим, как захват требует, чтобы имущество было ничьим, а у Владельца ничьего не бывает. Поэтому та же посылка, которая лишает Руку оправдания, лишает оправдания и истребление. Только такое метафизическое зрение способно поднять политику над расовыми, национальными и религиозными войнами. При этом подобный взгляд нисколько не отменяет духовного патриотизма. Духовный патриотизм есть глубокое почтение к историческому пути предков и к созданной ими культуре. Эта культура, выросшая из географии, климата и истории, служит лучшей средой для одухотворения и развития тех, кому Промыслом было суждено родиться на этой конкретной земле. Достоевский в речи о Пушкине назвал это всечеловечностью и вывел ее не из отказа от русского, а из полноты.

Заметим, ни одна из этих пар не потребовала от государства ничего сверх отрицательного полюса. Посылка изменила основание, на котором стоят признаки, и цену, которую платит нарушитель, в то время как права предписывать благо она не дала никому.

Почему религий много и как их проверяют

Скептик спросит: если Бог один, а Истина абсолютна, почему религий так много, и почему они так яростно враждуют? Ответ кроется в бесконечной многомерности Творца. Бог одновременно и Абсолютная Справедливость, и Беспредельное Милосердие, и Суровый Судия, и Любящий Отец; Он Творец и Он же Вседержитель. Любой образованный теист подпишется под каждым из этих определений. Однако исторические Священные Писания, данные разным народам в разные эпохи, делают акцент на тех конкретных качествах Творца, которые были необходимы именно этой цивилизации в тот исторический момент для ее спасения и развития. Этот акцент формирует разницу в теологии, обрядах и политических доктринах. Но если традиция опирается на подлинное Откровение, она неизбежно ведет к единому Центру.

Духовный плюрализм не формулирует новую догматику. Он предлагает платформу для конструктивного теологического разговора, а также общий язык практик, к которым верующие разных традиций приходят каждый из собственного основания. Так составлялась, например, Всеобщая декларация прав человека, о которой Жак Маритен сказал, что согласие по нормам достижимо при условии, что никто не спрашивает об основаниях, и так же намеренно построена декларация «К глобальной этике», ограничившаяся нормами поведения и обошедшая метафизику. Поэтому он становится платформой для любого человека, ищущего Бога, независимо от страны и обряда, и платформа эта не требует от него ни отказа от своих догматов, ни признания чужих.

В парадигме духовного плюрализма религия перестает быть просто набором бытовых табу, пышных обрядов или «верой в сверхъестественное». Религия есть **связь с Богом и Его закон**, данный напрямую или через пророков. Проверка любой религии в политике проста. Насколько далеко ее последователь продвинулся по пути бескорыстной любви к Богу? Любая традиция, способная воспитать в человеке устойчивую потребность служить Творцу из любви, а не из страха, при этом на практике увеличивая в нем качества добра, истины и красоты, проходит эту проверку. Поэтому духовный плюрализм не предлагает ни новой религии, ни замены существующим. Он лишь ставит в центр то, о чем говорит каждая из них, а именно любовь к Богу, и оставляет каждому идти к ней путем своей традиции.

Эта проверка устроена так же, как три признака, то есть отрицательно и прагматично. Совет добродетели не выбирает веру и не ранжирует конфессии. Он ловит оскверненную религию по тем же признакам, что и оскверненную власть.

Цель и добродетели как вывод

Теперь можно ответить на первые две задачи из третьей части.

Здесь нужно различить два слова, которые до сих пор шли рядом. Высшее благо, о котором говорила вторая часть, присвоить нельзя. Высшая цель, то есть направление, в котором общество движется к этому благу, уже может быть названа, а **все названное может быть присвоено**. Поэтому к ней целиком относится правило второй части. Ее можно предлагать, о ней можно спорить, ее можно принять верой или отвергнуть, но ее нельзя предписать законом. Она адресована человеку и общине, а государству остается только отрицательный полюс.

Если Высшее благо есть Бог, то высшая цель следует из этого без дополнительных допущений. **Высшая цель человечества**, как ее видит теист, состоит в возрождении живой памяти о Боге по всему миру, чтобы человек и общество жили в Его присутствии, а не в забвении о Нем. Это же и есть высшая добродетель; из нее вытекает определение всех остальных.

Духовный плюрализм ставит перед собой четыре цели. Он учит людей духовности как основе для сбалансированного развития, умственного, физического, социального, экономического, политического, научного и культурного. Он приближает всех людей, независимо от их верований, к Богу. Он помогает человеку осознать себя и всех других людей духовными личностями, сотворенными Богом и призванными к отношениям с Ним, в которых и состоит суть их существования. И он развивает видение того, что все сущее связано с Богом и Бог проявляется во всем.

В этой логике добродетель есть то, что ведет к Высшей цели, и потому ее перечень не является произвольным. Он выводится из политического диагноза первой части, потому что каждая группа добродетелей работает как целевое противоядие от одного из трех выявленных врагов.

Против Идола работают добродетели характера, а именно умиротворенность, самообладание, терпение, смирение, простота, чистота, благодарность и стремление к истине. Сюда же относится свобода от гордыни, алчности, вожделения, зависти и ненависти, потому что все они физически удерживают человека от того, чтобы возвести нечто конечное (включая собственное эго) в абсолют. Сергей Радонежский, отказавшийся от митрополичьей кафедры, есть русский архетип данной защиты.

Против Руки работают добродетели в отношении к другим, честность, справедливость и беспристрастность, прощение, сострадание, доброта, уважение, учтивость, великодушие, щедрость, служение другим, сотрудничество, уважение к заслуженному авторитету, защита среды, людей и животных, потому что каждая из них есть отказ присвоить чужое, будь то имущество, право или голос.

Против третьего врага, стимулов, работают добродетели дела, такие как решительность, самостоятельность, отвага, энтузиазм и находчивость, творчество, искусность, знание, мудрость, чувство долга, честь и жертвенность, потому что все они позволяют действовать против течения, которое несет к алтарю Идола.

А добродетели в отношении к Богу, любовь к Нему, предание Ему и отречение, то есть нестяжательство, являются корнем трех остальных. Без этого онтологического стержня весь этический каркас держится ровно столько, сколько длится социальная привычка (о чем говорилось во второй части).

Светская проекция этого каталога существует. И ее надлежит привести здесь как ту самую проверку на прочность, которая была обещана секулярному читателю перед входом в эту часть работы.

Добродетельный плюрализм ставит перед собой те же четыре цели, переведенные на светский язык. Он учит людей добродетели как основе для сбалансированного развития во всех сферах жизни. Он приближает всех людей, независимо от их верований и мировоззрений, к идеалу нравственности. Он развивает социальную структуру, основанную на фундаменте добродетели и нравственности. И он направлен на гармоничное существование и развитие человечества в мироздании.

Высшая цель человечества состоит в таком устройстве цивилизации, которое живет в согласии с законами мироздания и не ломает человеческую природу, при этом раскрывая ее высшие регистры: разум, ищущий истину; совесть, различающую добро и зло; способность любить и служить.

Тогда добродетелью в этой логике будет то, что ведет к этой цели, а безнравственностью то, что уводит от нее. И к этой светской формуле относится то же правило, что и к теистической. **Она задает направление, а не закон.**

Цели добродетельного плюрализма и цели духовного плюрализма описывают одну и ту же добродетель на двух языках.

Каждая из этих категорий, и признаки осквернения, и ценности-состояния, должна быть переведена на язык права, экономики и институциональных критериев. Очевидно, что разные политические силы расставят приоритеты в этом списке по-своему. Эта разница и рождает богатство политических моделей и культурных укладов. Разногласия неизбежны, и это нормально. Но наличие общей сверхзадачи и единого ценностного языка создает платформу для арбитража. Повторим, что речь идет о глубокой прагматике. Из этого ценностного ядра, из этого «генетического кода» нации должна вырастать вся архитектура государства, включая Конституцию. Трагедия современности в том, что в этот код давно проникли мутации, которые

невозможно вылечить процедурно, потому что сам разговор о нравственности и духовности выведен за скобки легальной политики.

Светская подстанова выдерживает концептуальную нагрузку почти везде, и это хорошая новость для сограждан, идущих к той же добродетели иным путем. Но она гарантированно ломается в некоторых точках. Например, у плодов, поскольку светская этика не способна ответить, кому принадлежит результат, если не самому человеку. И потому она не может защитить от Руки того, кто этот результат заслужил. Или у собственности, потому что без Высшего Владельца ответственное управление вверенным ресурсом вырождается обратно во владение, а спор управляющих обратно в войну.

Внутренний контур

Третья часть назвала Внутренний контур единственным барьером, защищающим от самого соблазна, но не объяснила его механику. Объяснение в том, что у этого контура три элемента, и каждый бьет по конкретному врагу из первой части.

Первую можно назвать памятью о Боге. Тот, кто постоянно соотносит свои мысли и действия с волей Творца, не может возвести в абсолют ничего конечного, включая собственную идею и собственную партию, потому что место абсолюта у него уже занято. Это противоядие от Идола, и никакой институт его не заменит. Государственный закон может запретить поклоняться идолу, но он не властен отнять у человеческого сердца саму потребность в нем.

Вторую можно назвать отречением, или неприсвоением плодов. Тот, кто связывает все достижения с их подлинным Источником, не имеет причины присваивать результат, а рента есть именно присвоение результата. Это противоядие от Руки, и оно блокирует возможность соблазна до его появления, тогда как прокурорский надзор действует только после.

Третью можно назвать действием по долгу без привязанности к результату. Тому, кому не нужен результат для себя, стимулы не могут предложить ничего, и потому такой человек неподкупен по устройству. Это противоядие от Системных стимулов. Институты меняют цену порока. Внутренний контур же меняет того, кто платит.

Возражение известно заранее, ведь этот контур невозможно верифицировать заранее. Верно. Он проверяется тем же единственным способом, что и все остальное в этой архитектуре, по делам и годам. Именно поэтому второй контур (кадровый фильтр) отбирает людей по тому, чего они не делали, имея для этого все возможности. Русская традиция зафиксировала политическое значение Внутреннего контура одной формулой Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи вокруг тебя спасутся». Внутреннее, невидимое состояние одного лидера имеет прямые физические последствия для тысяч подчиненных. Следовательно, Внутренний контур — это полноценный политический институт, даже если его невозможно учредить государственным декретом.

Из этих трех базовых элементов вырастают конкретные духовные практики, универсальные для всех великих теистических традиций. Ниже они сгруппированы по сферам применения.

Первая группа практик касается отношения к Богу и прямо продолжает первую составляющую внутреннего контура. Постоянно помнить о Боге и соотносить свои мысли и действия с Его волей; воспринимать свою профессиональную, общественную и политическую деятельность как форму служения; проявлять в повседневной жизни справедливость, милосердие и созидание, то есть качества Самого Творца; в искренней молитве не присваивать себе плоды своих успехов, связывая все достижения с их подлинным Источником. Эти практики опираются на добродетели в отношении к Богу, названные в предыдущем разделе, любовь к Нему, предание Ему и отречение,

и защищают от Идола и от Руки одновременно, потому что тому, кто помнит о Владельце, нечего абсолютизировать и нечего присваивать.

Вторая группа касается отношения к людям. Участвовать в жизни общины и общества, а не уходить от них; уважать интеллектуальные и духовные авторитеты и быть готовым учиться у них; бескорыстно вкладывать свое время, умения и средства в общее благо, осознавая всех людей членами единой семьи Творца; уважать свободу воли другого человека и помогать его развитию без агрессивного навязывания своей доктрины; соблюдать принцип ненасилия, то есть сводить к минимуму любой ущерб окружающей среде и живым существам. Эти практики нужны потому, что внутренний контур, замкнутый на самого себя, вырождается в частное благочестие, а именно это вырождение и позволило секуляризму объявить веру частной привычкой.

Третья группа касается быта и дела. Безупречно и ответственно исполнять свой долг перед семьей, корпорацией, нацией и государством; относиться к профессионализму как к этической норме, чтобы любая работа выполнялась тщательно, как подношение Богу; соблюдать экологию потребления, то есть рациональное самоограничение, отказ от накопительства ради накопительства и использование вверенных ресурсов только для созидательных задач. Здесь внутренний контур встречается с третьим врагом, потому что стимулы ловят человека именно на работе и именно на потреблении, а тот, для кого работа есть подношение, а потребление есть управление вверенным, лишает их этой возможности.

Четвертая группа касается внутреннего отношения к происходящему. Сохранять интеллектуальную и психологическую независимость; доверять историческому Промыслу, что позволяет держать выдержку в кризисах и не терять голову от политических или финансовых триумфов; отказаться от иллюзии абсолютной собственности, понимая, что власть, статус и капитал не добыча, а ресурс, вверенный во временное управление; избегать формализма, то есть не сводить духовность к фарисейству и ритуалам ради ритуалов; отвечать за то, что зависит от тебя, и доверять в том, что не зависит. Эта группа держит остальные, потому что ни одна практика не выживает в человеке, потерявшем внутреннюю независимость, а третий двигатель угасания, успех, ломает именно ее.

Пятая группа касается религиозной практики. Глубоко изучать Священные тексты не только как мистические откровения, но и как источники этики и права; изучать жития, то есть исторический опыт выдающихся деятелей духа; уважать сакральные пространства и создавать атмосферу чистоты и порядка в собственном доме; соблюдать дисциплинарные практики своей традиции, пост, аскезу, богослужебные ритмы, воспитывающие волю и контроль над инстинктами. Эти практики отвечают на возражение, что внутреннее состояние нельзя ни предписать, ни проверить, потому что каждая традиция уже тысячелетиями делает и то, и другое, только не государственным принуждением, а добровольно принятой дисциплиной, и дела здесь видны так же, как дела в политике.

При этом любую теистическую практику можно перевести на язык светской или атеистической этики. Это правило перевода не изобретение автора. Юрген Хабермас, философ светский, предложил его как условие мира между верующими и неверующими в публичной политике, а в споре с Йозефом Ратцингером в 2004 году, который шел вокруг того же вопроса Бёкенфёрде, признал, что светское общество не вправе отсекал религию как источник смысла и солидарности. Есть такой опыт и у самих религий.

Например, религиозный долг «паломничества и освящения жилища» в светской этике разворачивается как культура экологической чистоты, урбанистического порядка и внутренней чистоты. Духовная практика «посвящения плодов своего труда Творцу» превращается в социальную ответственность бизнеса, заботу о нации и сбережение природы. Заповедь

«ученичества у духовных наставников» трансформируется в институт наставничества, уважение к учителям и поддержку фундаментальной науки.

Таким образом, общество, выстроенное на фундаменте добродетели, способно вобрать в себя граждан любых убеждений. Атеисты не обязаны участвовать в богослужениях; они могут выстраивать свою жизнь по правилам гражданской этики.

Законодательство может поощрять нравственное поведение, но не вправе ни предписывать благо, ни карать за недостаток веры. Наказание допустимо только за нарушение нравственных и правовых норм, наносящее ущерб людям и обществу.

В такой архитектуре теисты и атеисты становятся согражданами уже не просто в формально-юридическом «светском государстве», а в живом пространстве духовного плюрализма.

Грязные руки

Остается третье место, где ломается светская подстанова. Вся выстроенная выше архитектура добродетели должна ответить и на вопрос, обойти который было бы интеллектуальной трусостью. Что делает политический идеалист, когда осквернены все доступные варианты? Война, в которой любое решение несет смерть. Ложь, без которой погибнут те, кого ты обязан защитить. Предательство союзника ради спасения остальных.

Макс Вебер сформулировал свой ответ как то, что всякий, кто идет в политику, заключает контракт с дьявольскими силами. Специфическим средством политики является насилие, и «этика убеждения», спасающая личную душу, здесь оборачивается гибелью тех, за кого правитель несет ответственность. Вебер противопоставил ей «этику ответственности», то есть готовность отвечать за кровавые последствия, а не за стерильную чистоту намерений, и признал, что примирения между ними не существует. Позже политическая философия назовет это «проблемой грязных рук». У светской мысли есть на нее процедурный ответ, а именно сделать необходимое, признать вину и понести за нее наказание. Ответ прагматически верный, но лишенный онтологического основания, потому что непонятно, *перед кем* эта вина и *кто* наделен властью ее отпустить.

Наша архитектура предлагает собственное решение. Оно опирается на четыре постулата. Христианин, иудей и мусульманин узнают каждый из них в своем Писании, а философ в классической этике.

Первый постулат гласит, что **уклонение тоже действие**, и оно собирает свою кровавую жатву. Тот, кто умыл руки и уклонился от принятия тяжелого решения ради сохранения личной моральной чистоты, просто передал право на насилие другому. И кровь, пролитая из-за этого малодушия, несмываемым пятном ложится на «праведника». Чистых рук в большой политике не бывает ни у кого. Есть лишь грязные руки, за которые несут личную ответственность, и грязные руки, за которые не отвечает никто.

Второй постулат требует **действовать по долгу, без ненависти и без привязанности к результату**. Ненависть оскверняет действие изнутри, превращая концептуального противника в экзистенциального Врага и делая жестокость не трагической необходимостью, а сладострастным желанием. Привязанность к результату оскверняет действие снаружи, потому что ради гарантированного результата управленец начинает воровать, затыкать рты и выводить себя из-под правил. Воин, который сражается без ненависти и не приватизирует триумф победы, физически делает то же самое, что и его противник, но онтологически он делает нечто совершенно иное.

Третий постулат состоит в том, что **защита от осквернения не отключается в критических ситуациях**. Здесь этика действия сцепляется с первой частью работы. Три признака осквернения сохраняют свою хватку даже в режиме чрезвычайного положения, и именно там они нужны как никогда. Исторически необходимая жесткость отличается от властного перерождения тремя четкими границами. На национальной беде не генерируют частную ренту. В период беды не удушают тех, кто напоминает о ее страшной цене. И жесткие правила, введенные для преодоления беды, распространяются на тех, кто их ввел.

Так было при любом строе и в любую эпоху, от интендантов Крымской войны до мародеров тыла Первой мировой. Власть, для которой война превратилась в кормушку, критика в государственную измену, а закон стал обязателен для всех, кроме ближнего круга, тотально осквернена, даже если сама эта война исторически справедлива.

Четвертый постулат требует, чтобы **за действием следовало покаяние**, и в политике оно обретает строгую форму. Император Феодосий Великий после карательной резни в Фессалониках не был низложен. Он был остановлен миланским епископом у дверей храма и принес публичное покаяние. Римская империя от этого не рухнула; напротив, она получила правителя, осознавшего границы своей власти.

Ежегодное публичное признание собственных ошибок, которое вменяется Совету, и встречающая обязанность правителя предметно отвечать на его суждения составляют юридическую форму политического покаяния. Эта процедура не отменяет исторической ответственности и не смывает крови. Она делает «грязные руки» *видимыми*. А публичная видимость грязи остается единственным социальным механизмом, не позволяющим ей стать государственной нормой. Иван Ильин в трактате «О сопротивлении злу силою» отчеканил это по-русски, сказав, что тот, кто поднимает меч против зла, не остается непорочным праведником. Он берет на себя несправедливость и потому нуждается в очищении. Государство же, забывшее об этой трагической дихотомии, превращает меч в ремесло палача.

Для верующего человека у этого алгоритма есть монолитное основание, которого был лишен Макс Вебер. *Результат принадлежит Богу, но ответственность за действие несет человек*. Русская формула той же аксиомы старше Вебера на семь веков, потому что летопись вкладывает в уста Александра Невского слова «не в силе Бог, а в правде». Эта аксиома ничуть не освобождает от тяжести выбора и не делает его безболезненным. Но она позволяет действовать на краю политической пропасти, не сходя с ума и не ломаясь. Действующий точно знает, что исторический исход находится не в его руках, но в его руках находится чистота его действий. За свой шаг он ответит сам, а за исход ответит Тот, Кому он служит.

Заключение

В данной работе сформулирована стратегическая рамка социально-политического устройства, которая отвечает на текущие кризисы. Эта модель созвучна традиционным ценностям России и предлагает вернуть в «генетический код» страны то, что всегда было его основой, а именно неразрывный союз добродетели и веры, не закрывая двери тем, кто идет к той же добродетели другим путем.

Для России эта концепция имеет особое значение. Она предлагает способ соединить духовные традиции страны с реальностью современного мира.

Во внешней политике она дает России то, что можно предложить другим. Она предлагает мировому большинству (в первую очередь странам БРИКС) систему координат, в которой можно вести диалог без попыток навязать друг другу чужой уклад.

Во внутренней политике концепция дает ответ на вопрос «как?». Как именно воспитывать социально ответственную личность и как защищать те самые традиционные ценности, чтобы они не превратились в мертвый бюрократический формуляр. В межконфессиональной среде модель создает платформу для солидарного социального действия разных религий, снижая межконфессиональное напряжение.

Очевидно, что реализация этой стратегии требует перестройки общественного устройства. Интеллектуальные, политические и духовные элиты (и не только в России) должны признать, что цивилизация зашла в тупик. Попытаться наводить косметический ремонт в здании, которое построено на песке и к которому уже приближается волна, дело бессмысленное. Нужно переориентировать общество на добродетель. И это требует **не заплаток, но нового фундамента политики.**

Однако данная работа не призывает к разрушительным революциям. Она задает направление. Переход должен быть эволюционным, то есть культивация новых (забытых старых) смыслов в обществе и, по мере созревания гражданских и элитных групп, их аккуратная законодательная институционализация.